

Примерно в 1773 г. Лабланшери познакомился с необыкновенной девушкой — Мари-Жанной Флипон, дочерью парижского гравера, которой в то время было девятнадцать лет и которой суждено было впоследствии выйти замуж за Жана-Мари Ролана де Лаплатьера и сыграть видную роль в среде жирондистов в годы Французской революции. Она окончила жизнь на гильотине в дни террора, в 1793 г., и ее последние слова стали крылатыми: «О свобода, сколь много преступлений творится твоим именем!».

Распространенное мнение о том, что Лабланшери был всего-навсего надутой посредственностью, можно было бы опровергнуть очень сильным доводом в пользу этого человека: ведь почти четыре года он безраздельно царил в сердце такой незаурядной девушки, как Мари Флипон. Историю ее любви к Лабланшери можно проследить буквально день за днем — по письмам к приятельницам, Софи и Анриэтте Канне, и по знаменитым мемуарам, которые она писала в тюрьме во времена террора. Будучи страстной поклонницей Руссо, Мари Флипон тянулась к Лабланшери — их сближала общность взглядов на жизнь. «Je n'ose pas juger ce jeune homme, parce qu'il me ressemble trop», — писала она своей подруге Софи.¹³ «Son ambition est d'être utile, et c'est une belle passion», — писала она в другом письме. Однако, добавляла Мари Флипон, — и эти ее слова оказались пророческими, — «on peut dire de lui qu'il est du nombre de ceux qui, se sentant de l'âme et du talent, ne peuvent prendre bien des états par délicatesse, et qui s'éloignant, par des vues peu ordinaires, des routes fréquentées, parviennent beaucoup ou ne font jamais rien: le dernier cas est le plus commun».¹⁴

Лабланшери официально просил руки Мари Флипон у ее отца, не утаив при этом, что намерен с помощью приданого жены сделать карьеру юриста. В душе Мари романтическая страсть к юноше, разделявшему, как она полагала, ее идеалы, боролась с трезво-буржуазными опасениями относительно того, сможет ли он прокормить семью; в конце концов победил голос рассудка — предложение было отвергнуто. Месяцев восемь спустя Мари узнала, что была лишь одной из нескольких богатых наследниц, за которыми одновременно ухаживал Лабланшери. . .¹⁵

Все данные свидетельствуют о том, что Лабланшери, скорее всего, был неспособен по-настоящему любить кого бы то ни было, кроме самого себя. Весьма средний талант соседствовал в нем с огромным тщеславием, непомерным честолюбием, толстокожим упрямством в достижении личных целей, которое заставляло его забывать всякий такт в отношениях с людьми. К тому же он был лишен чувства юмора, но обладал способностью к самообольщению

¹³ Там же, стр. 303.

¹⁴ Там же, стр. 251.

¹⁵ Письмо Софи Канне от 25 июня 1776 г.: там же, стр. 394—396; см. также: *Mémoires de Madame Roland*, II. Ed. Cl. Perroud, Paris, 1905, стр. 234—236.